

ПЛОЩАДЬ ГОЛЛАНДИИ

Никольский

НАПЬЮРМОРТ, ПЕЙЗАЖ...

* * *

Сяду в кафе сбоку, буду считать женщин и загибать пальцы,
всё хорошо, только женщин вокруг много, пальцев, увы, меньше,
можно считать в столбик или сменить топик,

славные здесь цацы...

Можно запить пивом, чтобы в костях кальций...

или пойти к гейше.

Буду писать письма, и назовусь Стивом, и кулаки стисну,
стану ругать власти и говорить «здрасьте»...

Кто это был Пельше?

Верно, был всех краше! Как он потом умер? Что-то я всё кисну...

Надо включить ящик и поискать юмор или купить соку...

Или скажу «сорри»... или пойду к морю, сяду в кафе сбоку...

* * *

Выходят охотиться за подругами,
улыбаются лицами угреватыми,
глядят глубоко посаженными и выпуклыми,
идут с напряжёнными агрегатами.

Не продохнуть от ругани.

Они не хотят, у которых выплаканы,
и таких, у которых плоские,
им нужны милосские, полногрудые,
с выкупленной квартирою и с гримаскою,
плечи с полоской незагорелою,
дебелые, как молочницы амстердамские...

Ночью киоски встают шпалерою
и скрывают от глаз, как они орудуют
за рекламами табачными, горнолыжными...

Думу думают только-вчера-подстриженными –
что одни лишь красотки спасают от горя в старости,
и чем сочнее они, чем поджаристей,
чем упорнее защищаются...

Настойчивей наводнения или овода...

С пойманными подругами белокожими,
с грузом, с добычею возвращаются
и сами стараются быть похожими
на томакруза из грима и целлулоида.

* * *

Он думает, что, упрятав в сейф и запомнив код,
вещь потом можно продать или завещать,
что, за язык засева и потратив год,
на нём можно заверещать.
Он думает, если надеть часы – узнаешь, который час,
что амфетамин победит печаль,
что склонить весы может любой из нас
(он нас, видимо, не встречал).
Он думает, что может женщиной обладать,
хотя его волосы начали облетать
и кожа стала приобретать
бледный оттенок старости и бессилья,
он говорит, что с собой в состоянии совладать
(а самого всегда пустяки бесили).
Говорит, что один и пять будет ровно шесть,
что вместо Карпат можно запросто ехать в Крым,
что можно выпить стакан воды, не утратив честь,
говорит, говорят (а мы так не говорим).
Он верит, что столица Америки – Вашингтон,
что в кармане есть у него для метро жетон,
он едет в метро, не жалея о прожитом.

НОВЫЕ ОЧКИ ДЛЯ ДАЛЬНОЗОРКИХ

Наденешь очки, увидишь лоснящийся матерьял,
и когда это твид свои качества потерял?
Раньше пиджак отворял, теперь закрывает двери,
даже если ты при галстукке и портфеле.
(И когда это ты свои качества потерял?
Раньше за рыжей приударял
и за блондинкой тоже приударял.)
Наденешь очки, увидишь взаправду и наяву
снящийся лист берёзовый, прилепленный к рукаву,
тёмные волосы, пот и седые корни,
глаза, которые заботятся о прокорме,
у еле держащейся на плаву.
Ты увидишь пластик, розовый, как коралл,
который по бросовой какие-то проходимцы...
А ты думал, что это и есть коралл,
что это и есть квартира, жена, роман,
настоящие и дорогие, джинсы,
что ты в результате всё-таки дохромал –
а это были просто плохие линзы.

* * *

Хочешь нарисовать натюрморт, пейзаж,
но всегда выходит автопортрет
человека, кому необходим массаж,
кто недостаточно вылечен и прогреет
грелкой и кто ведет
список болезней, задолженностей, обид,
кто хочет счастья, любимую, антидот,
аспирин... кто на публике пыжится и сопит,
кто дома опять будет скулить и ныть,
соберет воедино мысли, а получится автомат,
пулемет, аммонит, фейерверк, парад...
Кто превращает стихотворенье в ряд
существительных и теряет нить.

* * *

Пока держащий штурвал их вояжа не оборвал –
дрожащие пассажиры спускаются на бульвар,
чтобы свет их пощекотал и пообливал,
снабдил витамином D.
После сидят на скамье, на пристани, на воде
и едят салат с витамином E,
звонят семье, планируют побывать,
где никто ещё не бывал,
планируют выпивать,
как мало кто выпивал.
Ну и пусть сидят, зеленеют, как хлорофилл,
слушают «Хорошо темперированный клавир»,
пусть мечтают о десятичасовом спанье,
пусть говорят, что кефир желудок оздоровил,
пока никто их не подловил на чуши и на вранье,
покуда главный из заправил им счета не предъявил.

* * *

Жить одному (одной) в абсолютно пустом (пустой)
доме (квартире).
– А если вдвоём? – Эка куда хватили...
К небу глаза подниму, там голубой настой, там голубая...
Любой (любая), если может – скажет: «Постой, постой...»
Однако необходимо именно с той (именно с тем)...
Но столько рвов и валов (столько канав и стен),

что он (она) живёт (живёт)
не тут и не здесь.
К тому же болит спина (болит пищевод),
вот и вся история (и рассказ этот тоже – весь).

ПОРТРЕТ АГНЕССЫ СОРЕЛЬ КИСТИ ФУКЕ

Агнесса Сорель умерла, и король стремительно постарел,
посерел лицом, замок Лош отсырел от слёз,
форель не плещет в ручье возле чайных роз.
А народ ещё до её рождения озверел,
отбился от пастырей, и ему что протоиерей,
что поганый жид – безразлично. Ему скорей
за едой, а потом на хоккей или на футбол,
у народа дела и дарвиновский отбор.
Народ живёт и живёт, хоть не корми его или режь,
чешет живот и плешь.
У него высокий и низкий гемоглобин,
карабинеры ищут гашиш у него в бачке,
он у работодателя на крючке,
и глаза народа красные, как рубин.
Агнесса Сорель – это женщина с голою левой грудью,
её отравили ртутью,
некрасивые женщины до сих пор её вспоминают с жутью.
Она была мастерица выкидывать номера,
теперь она умерла.

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО

Их головы бриты, как у бритоголовых.
У них повара воруют еду в столовых
и приезжают домой с большою
сумкой, заполненною лапшою.
Их служебных собак зовут Шариком или Рексом,
в праздник солдат поливают водой святою,
а еще они то называют сексом,
за что у нас наказывают статью.

Они возвращаются – нету вполне здоровых,
выделяются между парней дворовых
не тем, что стреляли и убивали,
а тем, что в супере не бывали,
Их теперь обманет любой мошенник,

Медаль – медалью, а вкусного не едали,
не крутили по выходным педали
и романов не читали и не крутили,
были сосредоточены на тротиле,
на патронах и на мишенях,
на вещах, которые вводят в ступор
нас, свободно ходящих в супер.

* * *

Здесь почти никого заточкой не протыкают
и жизнь человека через куртку не протекает,
а, выпавшись после вчерашней дури,
вчерашней бури,
выживший стучит по клавиатуре
и, выходные свои оплавав,
подготавливает презентации (или как их?).
И я свое тело к этой пристани пришвартую,
к пристани спокойной и не искрящей,
ежедневной, субботней, потом воскресной.
Где держать сигару? В руке? Во рту ли?
Объясните, я не курящий...
Не курящий и сам не местный.

ЭНИГМА

Тот, кто, желая изменить сюжет,
в оранжевый садится EasyJet,
чья жизнь как мёд,
кто никогда не ел гнилой ботвы
и не сбежал в Израиль от братвы –
тот не поймёт!

И тот, кто голодал и не летал,
кто (подтверждая Марксов «Капитал»)
был необут.
Перед любым тянувшийся во фронт,
тот, чья диета – это лиха фунт
и соли пуд –

хотя б и был он мудрым, как змея,
он ничего
не разберёт: ведь это жизнь моя,
а не его.